

**В СЕРИИ
ВЫШЛИ КНИГИ:**

ДАРЮ ТЕБЕ НЕБО – ЛЮБОВЬ ЛАСТОЧКИ
ДАРЮ ТЕБЕ НЕБО – ДОРОГА В ВЕЧНОСТЬ

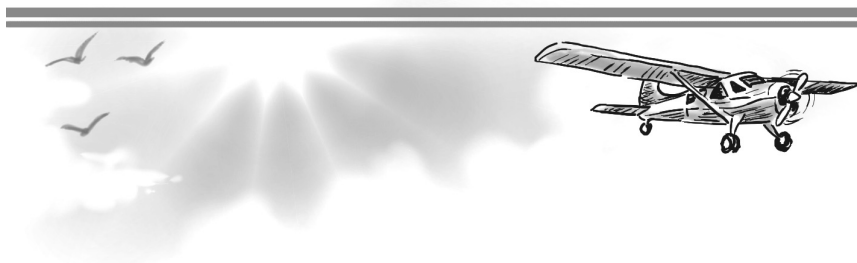
Екатерина Митрофанова

ДАРЮ ТЕБЕ НЕБО—
ЛЮБОВЬ
АСТОЧКИ

T8 RUGRAM

ГЛАВА 1

— Ну, что смотришь, помогай давай! — бодро выкрикнул высокий, темноволосый молодой человек крепкого сложения в длинных шортах цвета хаки, тельняшке и пляжных босоножках.

— Как скажешь, братец, — в тон ему ответил другой молодой человек, с виду больше похожий на подростка, одетый на тот же манер. — А что делать-то надо?

— Ты чё, братан, совсем кувалдой пришибленный или только наполовину? — беспечно бросил первый. — Для начала выложи-ка рыбу на фольгу, а я пока получше раздую костёр.

Он подбросил в кострище небольшую связку заранее заготовленного хвороста, и резвые языки огня в считанные мгновения охватили тонкие прутья со всех сторон и заплясали ещё веселее.

Тот, что помладше, подошёл к разложенной неподалёку походной палатке из брезента, поднял с примятой высокой травы рулон фольги и оторвал солидный кусок. Затем вынул из небольшого контейнера посыпанные крупной солью и приправленные белым вином, лимоном и зеленью рыбные стейки и стал аккуратнo раскладывать их на фольге.

— Что ты там возишься, живей давай! — окликнул его старший. — Вот пойдёшь в армию — перестанешь ворон считать. Скорёхонько приучишься к дисциплине.

— Ага. Нале-ево! Кру-угом марш! — съязвил младший. — Айда сортир драить!

— Не смей пререкайся со старшим по званию! Вот я тебе перцу-то задам!

— Кстати, о перце. Как считаешь, его стоит нарезать или запечь целиком?

— Зависит от того, какой вкус ты хочешь получить. Если поострее да поядрёнее — то можно и целиком, а коли предпочитаешь понежнее и попикантнее — нарежь небольшими дольками и выкладывай на фольгу, чередуя с рыбными стейками, кружочками лука и помидорами черри.

— Ясно. Тогда лучше второй вариант.

— Ну ты и неженка, братец. Маменькин сынок. Так и будешь всегда за широкими шортами брата прятаться, а настоящей жизни не отведаешь.

— Да разве ж настоящая жизнь — это острый перец, папироска в зубы да пьянки-гулянки?

— Вот умник нашёлся тоже, — добродушно проворчал старший. — Ну и какова же, по-твоему, настоящая жизнь?

— Настоящая жизнь — это прежде всего свобода. И любовь.

— Тьфу ты, романтик хренов. Любовь ему подавай. Летай куда вольной пташкой да радуйся. А любовь твоя эта — да пропади она пропадом! Окрутит тебя какая-нибудь оторва вроде той же Светки из соседнего подъезда — глазом моргнуть не успеешь! И пропадёшь тогда — как пить дать пропадёшь. Бабы, брат, они такие, только рот разинь — и будут тебе кандалы на веки вечные. Какая уж тут, к ядрёной матери, свобода? Рабом станешь при госпоже-стервочке. Рабом по жизни. Оно тебе надо?

— Кто бы говорил? Сам-то ты, что ли, не романтик? У кого свадьба с Лидой, считай, уже через две недели? У меня, скажешь?

Старший устремил долгий взгляд сквозь листву молодых берёз на подёрнутую мелкой рябью гладь живописного озера, оттенённого по левую сторону торчащими из воды стрелками камышей, и задумчиво произнёс:

— Лида. Лидочка. Лидуся. Она — одна на миллион. Таких больше не делают.

— И как назло, достаётся тебе, — в голос младшего прокрались нотки обиды.

— А ты как думал? — Старший вынул из кармана на шортах пачку сигарет, достал одну, неспешно повертел между пальцами и осторожно зажал губами. — Всё самое лучшее — мне. По праву старшинства. Смирись, братик. Ладно, давай тащи уже рыбу, пировать скоро будем.

Он чиркнул зажигалкой и с удовольствием затянулся, пуская тонкие кольца дыма.

Младший тем временем бережно завернул рыбные стейки с нарезанными овощами в фольгу и покорно передал аппетитно пахнущий пряными приправами свёрток старшему.

Тот спешно бросил на землю окурков, притоптал его для верности, пнул носком в костёр и принял протянутый свёрток с едой.

— Негоже такую красоту окурками засорять, — пробормотал он, отточенными движениями заправского повара походника отправляя рыбу на решётку. — Да и, по чесноку говоря, не следовало разводить тут костёр. Портить такой чудесный лесной и озёрный воздух этой гадостью. Ладно, зальём всё водой, когда приготовим. Будем надеяться, что вонь выветрится достаточно быстро.

Младший улыбнулся:

— А говоришь, не романтик. Ладно, не переживай. Разочек можно. Всё-таки не каждый день мой старший брат диплом об окончании лётного училища и воинское звание лейтенанта получает.

Старшему из братьев недавно торжественно выдали диплом государственного образца о высшем военно-специальном образовании с присвоением воинского звания «лейтенант», и теперь он был отпущен в основной отпуск, предоставляемый военнослужащим в соответствии с «Положением о порядке прохождения военной службы» Зако-

нодательства Российской Федерации по окончании военно-учебного заведения, в ожидании назначения в воинскую часть.

— Да уж, не каждый. — Старший тихо вздохнул, наблюдая, как язычки пламени лижут железные прутья решётки. — Боязно мне что-то за тебя, братец. Когда придёт твой черёд идти в армию, ты уж держись там, ладно?

— Так то ж ещё через три года, когда я окончу институт! — живо отозвался младший и снова по-мальчишески искренне улыбнулся.

В небе со стороны озера показалась чайка. Очертив возле береговой линии грациозный полукруг и издав воинственный клич, великолепная птица с белоснежным оперением приземлилась у кромки воды и зарылась головой в камыши. Братья проводили её восхищёнными взглядами.

— Эй, Влад, куда ты смотришь? — старший перехватил взгляд брата, перепорхнувший с птицы в сторону початой пачки сигарет, валявшейся на траве возле костра. — Тебе нельзя курить. Маленький ты ещё.

— Стас, ты рехнулся? Маленький, скажешь тоже! Мне почти восемнадцать.

— Всё равно, — безапелляционно произнёс Стас и поспешил засунуть пачку сигарет обратно в карман. — До этого дела нос не дорос.

— Так ты ж в моём возрасте уже давно.

— Ну и что? Я военный, мне по статусу полагается. А тебе не надо. Непутёвое это дело. Я, может, тоже бросить хочу. Не получается пока. Силы воли не хватает, даром что офицер. Жизнь нелёгкая, вот и срываюсь. Женюсь — и брошу. Нет, ну правда брошу.

Влад снова улыбнулся милой ребяческой улыбкой:

— Честное офицерское?

Стас поймал взгляд брата, и черты его озарились ответной улыбкой:

— Честное офицерское.

Влад одобрительно кивнул и мечтательно произнёс:

— Лида — она такая... Самая лучшая... Ради неё можно. Я бы для неё на всё согласился, что ни попросила бы. Попросила бы звезду с неба достать — достал бы. Веришь?

— Э-эй, ты чего, братишка? Это, вообще-то, моя невеста! Без пяти минут моя жена, если ты не в курсе! Так что давай-ка потише на поворотах!

— Да знаю я, не петушись.

— А коли знаешь, так помалкивай. Встретишь ты ещё свою принцессу, всему своё время.

— Не встречу, — тихо, но твёрдо ответил Влад.

— Это почему же? Принц рожей не вышел? Или чем дружим? — беззлобно подколот его Стас.

— Не болтай ерунды. А то поссоримся.

— Ну уж нет! Ни в жизнь мы с тобой не поссоримся, чёртов придурок. Так и знай. Я, может, ещё и ради тебя собираюсь бросить курить и вообще расстаться со всеми вредными привычками, какие за собой замечу. Не хочу быть плохим примером для моего младшего братишки. Эх, Влад! Знал бы ты, как я скучал по тебе там, в лётном училище! Порой аж челюсти сводило, до того хотелось домой — обнять тебя, прижать к себе и не отпускать долго-долго.

— Представляю, — отозвался Влад, впившись в лицо брата жадным взглядом. — И я... Я тоже скучал по тебе. Очень.

— А, к чёрту всё. Иди сюда, паршивец ты этакий.

Влад склонил голову на плечо Стаса, который немедленно обнял брата и крепко прижал к себе.

— Почему паршивец? — тихо выдохнул Влад, утыкаясь носом в такое родное и такое надёжное плечо и с жаром отвечая на братское объятие.

— По кочану. Все принципы мои ломаешь, стервец эдакий! Ведь зарекался же — никаких телячьих нежностей. И вот, пожалуйста. Ещё немного — и разревусь, как кисейная барышня.

— Я не нарочно, — поддержал игру Влад. — Сам-то я — так уже плачу.

Он слегка отстранился, и Стас увидел, что по щекам брата и впрямь прочерчены влажные дорожки.

— Ладно, будет разнюниваться, — смутился Стас. — Давай-ка лучше жажнем с тобой по маленькой. За нашу долгожданную встречу, братишка!

Он достал из потёртого дорожного рюкзака пузатую бутыл, в которой искрилась в бликах заходящего солнца рубиновая жидкость. Затем извлёк два походных пластиковых стакана и протянул один брату.

— Стас... Ты что... — опешил Влад. — Ты же за рулём.

— А, плевать, — отозвался Стас, кинув взгляд на высаженный возле подъездной трассы цветущий куст шиповника, где стояла серебристая «Тойота», на которой приехали братья. — Один раз можно. Только сегодня.

— А что это? — спросил Влад, с интересом и в то же время с сомнением взглянув на бутыл.

— Чёрт её знает. Вроде вишнёвая наливка. Приятель по лётному училищу презентовал по случаю получения диплома и присвоения воинского звания. — Стас покрутил бутыл в руках, внимательно разглядывая этикетку. — Там совсем детский градус алкоголя. Не больше чем в шампанском. Мы по чуть-чуть. Для настроения.

— Ты точно справишься?

— С управлением? Ну, я всё-таки лётчик как-никак. На небе — это тебе не то что на земле. Здесь не опасная трасса. Иначе бы не предложил. Да я скорее тридцать раз в гроб лягу и живьём себя закопаю, нежели рискну твоей жизнью. Сам знаешь. Кроме того, мы уезжаем только завтра. К тому времени от наливки уже и духу не останется.

— Ну ладно, чёрт с тобой, наливай, — согласился наконец Влад. — Но чтобы потом — ни-ни. Особенно после свадьбы. Да я лично тебе руки-ноги повырываю, если обидишь Лиду.

— Тоже мне, защитничек нашёлся, — добродушно усмехнулся Стас, разливая искрящуюся жидкость по пластико-